

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-400-433>

<https://elibrary.ru/EYSENV>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Из истории неизданного «славянского тома» «Литературного наследства»: чешские материалы

© 2026, Н.В. Мороз

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена истории одного из крупных нереализованных проектов «Литературного наследства» — так называемого славянского тома («Русская литература и зарубежный славянский мир»), подготовка которого велась с 1970 по 1975 гг. В центре внимания — чешские материалы тома: переписка редакции с чехословацкими научными учреждениями и отдельными исследователями, история формирования авторского коллектива, эволюция тематической концепции чешского раздела. На основе архивных документов из фонда «Литературного наследства» в ОР ИМЛИ реконструируется процесс подготовки тома: от первых контактов с Институтом языков и литературы Чехословацкой АН в 1970 г. до окончательного отказа от издания в 1976 г. Особое внимание уделяется политическому контексту — последствиям событий 1968 г. для советско-чехословацких научных связей и тому, как политика нормализации повлияла на состав участников проекта с чешской стороны. Анализируются институциональные условия возникновения замысла: роль ИМЛИ и его сектора литератур социалистических стран, а также Института славяноведения и балканистики АН СССР как ключевых площадок изучения русско-славянских литературных связей в 1960–1970-е гг. В статье показано, что причиной неудачи проекта стало фундаментальное противоречие между редакционной моделью «Литературного наследства», ориентированной на введение в научный оборот новых архивных источников, и идеологически заданными рамками отбора материала, которые не позволили сформировать том, отвечающий научным стандартам серии.

Ключевые слова: «Литературное наследство», издательские проекты, русско-чешские литературные связи, советское литературоведение, история науки.

Информация об авторе: Никита Васильевич Мороз — младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-4211-6477>

E-mail: 14661536@inbox.ru

Для цитирования: Мороз Н.В. Из истории неизданного «славянского тома» «Литературного наследства»: чешские материалы // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 400–00. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-400-433>

Помимо более ста выпущенных в свет томов, нередко становившихся образцами археографической работы, история научной серии «Литературное наследство» (ЛН) знает и ряд не доведенных до издания проектов. Вероятно, самым известным казусом является отсутствующий т. 66 («Новое о Маяковском», кн. 2), который не был допущен к печати в связи с цензурным давлением [2]. Однако почти в вековой истории ЛН есть немало и других материалов, тематических подборок и целых томов, не изданных в силу различных обстоятельств.

Одним из самых крупных нереализованных проектов, подготовка которого велась в 1970–1975 гг., является так называемый славянский том, или «Русская литература и зарубежный славянский мир»¹. В него должны были войти материалы о связях до- и пореволюционной русской литературы с болгарской, польской, чехословацкой и югославской литературами. Содержание отдельных разделов, например, польских, уже было рассмотрено исследователями [7], однако другие части готовившейся книги (в том числе главы, посвященные русско-чешским литературным связям, на которых мы остановимся в данной статье) по-прежнему остаются не проанализированными.

Замыслу подготовки «славянского тома» хронологически предшествовал политический кризис 1968 г., отразившийся в том числе и на научных связях между учеными СССР и Чехословакии. В 1950–1960-е гг. советское академическое литературоведение находилось в постоянном профессиональном общении с представителями чехословацкой науки². События Пражской весны повлияли на политическое взаимодействие двух коммунистических партий, а вместе с тем вызвали острую реакцию АН СССР, в том числе отразившуюся на международных связях Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, в систему которого ЛН перешло в 1960 г.

¹ Подобный вариант названия есть, например, в черновике «сообщения» Н.А. Трифонова, текст которого приведен ниже.

² Проводились совместные научные конференции, был издан совместный сборник (Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении. М.: Наука, 1964). См. обзор: О научном сотрудничестве ИМЛИ АН СССР с литературоведческими институтами Чехословацкой и Словацкой Академий наук // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 748. Л. 69–73.

[3, с. 120]. К моменту возникновения плана «славянского тома» ИМЛИ уже располагал традицией изучения русско-славянских литературных связей, сложившейся в работах сектора литератур социалистических стран (руководитель — Н.И. Балашов). Начиная с конца 1950-х гг. сектор последовательно выпускал коллективные монографии по двусторонним литературным контактам: «Из истории связей славянских литератур» (1959, совместно с Институтом славяноведения), «Чехословацко-советские литературные связи» (1964), «Польско-русские литературные связи» (1970), «Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении» (1971); регулярно проводились советско-чехословацкие симпозиумы (1961, 1963, 1965, 1967), в которых активно участвовали И.А. Бернштейн, С.И. Бэлза, Р.Л. Филипчикова [4, с. 120]. Однако эта исследовательская программа с самого начала выстраивалась в отчетливых идеологических координатах: центральными темами были генезис и закономерности социалистического реализма, национальное и интернациональное в литературах социалистических стран, революционные традиции как основа творческого взаимодействия. Изучение культурных связей в этой оптике предполагало прежде всего выявление идейной близости между национальными литературами.

Изменившаяся с 1968 г. политическая обстановка внесла коррективы в планы работ ИМЛИ по проблематике социалистических стран. Как отмечалось в докладной записке от 9 декабря 1968 г. на имя академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР М.Б. Храпченко,

<в> условиях обострившегося идеологического наступления империализма на страны социалистического содружества объединение и сплочение ученых этих стран для решения центральных проблем литературоведения приобретает большое научное и политическое значение³.

В числе приоритетных тем были обозначены, в том числе,

4. Революционная чешская и словацкая литературы 20-х–30-х годов и советская литература.

5. Советского-болгарские литературные связи и проблемы социалистического реализма.

<...>

³ Предложения о проблематике сотрудничества ИМЛИ с литературоведческими учреждениями социалистических стран // АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Ед. хр. 748. Л. 65

7. Русско-украинско-чешско-словацкие литературные связи XIX–XX вв.⁴

Сравнительно-литературоведческие исследования этого рода открывали возможность рассматривать как универсальные закономерности литературного развития, так и конкретные механизмы заимствования и распространения культурно-политических идей. В контексте расширявшегося международного влияния СССР подобная оптика приобретала особый символический смысл: фиксация присутствия революционной советской культуры в зарубежных литературах становилась неотделима от идеологической ориентации разных писательских групп.

Показательна при этом историческая динамика русско-чешских культурных связей: от идей «славянской взаимности» — через формирование левых писательских объединений в межвоенной Чехословакии — к институционально регламентированному взаимодействию 1950–1960-х гг., уже привязанному к нормам марксистско-ленинской эстетики. Именно на этом фоне складывался замысел «славянского тома», контуры которого обозначились уже в предложении 1968 г. Схожим по содержанию документом, при этом очерчивающим более широкий круг проблем, связанных с академическим взаимодействием ученых двух стран, является «Предложение о научном сотрудничестве ИМЛИ АН СССР с литературоведческими институтами Чехословацкой и Словацкой академий наук». Пропитируем его:

Необходимо отметить особую важность сотрудничества с чешскими и словацкими учеными в настоящее время, когда в чехословацкой культуре обострилась идеологическая борьба и дают себя знать враждебные влияния, проявляющиеся в тенденциях изолировать литературу от идеологии, отрицать социалистический реализм и вообще реалистическое искусство, а также в повышенном интересе к модернистским течениям. В такой обстановке дискуссии советских ученых с чехословацкими коллегами и, особенно, подготовка совместных трудов является удобной формой, позволяющей дать научный отпор враждебным взглядам, выяснить возникающие порой недоразумения, которые также могут способствовать отходу некоторых ученых от правильных идейных позиций. Совместная работа окажет поддержку литературоведам, высказывающим близ-

⁴ Там же. Л. 66

кие к нам взгляды и порою подвергающимся в стране несправедливым нападкам. Поэтому важно определить научную проблематику, которая дает возможность максимально эффективного воздействия.

Советско-чехословацкие симпозиумы до сих пор были посвящены острым вопросам литературной науки (Личность писателя и творческий метод; Человек и современная литература; Прогрессивные традиции современной литературы; Национальное и интернациональное в литературе). Тема следующего симпозиума, который предполагается провести в Киеве в 1969 г., — «Проблемы методологии современного литературоведения» — дает исключительно большие возможности для дискуссии по основным вопросам современной литературной науки, для защиты марксистских взглядов на литературу, для полемики против антиреалистических тенденций. Необходимо учесть при подготовке этого симпозиума дискуссию, которая развернулась в Чехословакии вокруг наследия пражского структурализма, и высказать нашу позицию также по этой проблематике, актуальной для чехословацкого литературоведения.

Чрезвычайно актуальна проблематика коллективного труда, запланированного на ближайшие годы: «Проблема революционного искусства и авангардных направлений 20–30-х годов». Этот труд продолжает разработку вопросов чехословацко-русских литературных связей, которые привлекли большой интерес чехословацких ученых. В то же время, в нем затрагиваются вопросы, важные для чехословацкой культуры и вызывающие горячие споры.

Известна та большая роль, которую играл чешский авангардизм в развитии национального революционного искусства между двумя войнами; догматическое сбрасывание со счетов этих направлений ведет к обеднению национальной прогрессивной традиции, в то же время апологетика всякого авангардного искусства, стирание граней между революционным искусством и модернизмом, недооценка реализма также дает себя чувствовать. Таким образом, в ходе работы над сборником предстоит рассмотрение острых и серьезных вопросов литературного, теоретического и идеологического порядка. Поэтому важно также проведение в ЧССР совместного симпозиума по этой же теме, намеченного на 1970 г.

Кроме того, культурное сотрудничество предполагает поездки чехословацких специалистов по русской литературе и советских специалистов по чешской и словацкой, а также обмен специалистами по другим литературоведческим специальностям⁵.

⁵ Там же. Л. 69–71.

В чешском литературоведении 1960-х гг. интерес к структурализму воспринимался одновременно как критическое возвращение к довоенной национальной традиции и как освоение современной научной методологии. Центром этого движения стал Институт чешской литературы Чехословацкой АН. В 1951–1961 гг. его возглавлял Ян Мукаржовский — участник Пражского лингвистического кружка, которому в послевоенные годы пришлось публично отречься от своих научных взглядов, что, однако, не помешало ему, по словам Ю.М. Лотмана, стать «классиком эстетической мысли» [5, с. 8]. В 1960-е гг. в Институте сложилось целое направление, ориентированное на переосмысление структуралистского наследия Пражской лингвистической школы: Ф. Водичка разрабатывал теорию литературной истории с опорой на понятие «конкретизации» художественного произведения⁶, М. Червенка занимался стиховедением и поэтикой в русле структурной методологии⁷. Площадкой для систематических дискуссий о методологических основаниях литературоведения — помимо прочего, и о соотношении структурализма и марксистской эстетики — служил журнал «Česká literatura»⁸. Проводились и специальные конференции, участники которых стремились к освобождению от «догматизации и упрощения теоретических вопросов литературы, а вместе с тем и к обращению к новым методам, выработанным мировым научным сообществом» [9, с. 146]. Таким образом, речь шла не об изолированных научных инициативах, а об институализированном академическом процессе, вобравшем в себя широкий круг участников.

Более важным, чем частные научные вопросы, являлось общее настроение академической среды, которая открыто выступила на стороне реформистского крыла Коммунистической партии Чехословакии [6; 8, с. 18–32]. Принципы марксистской методологии,

⁶ См.: *Vodička F. Struktura vývoje*. Praha: Odeon, 1969. Сборник включает статьи 1941–1967 гг., в том числе программную работу «Literární historie, její problémy a úkoly» (1942), где впервые систематически изложена структуралистская концепция литературной истории и понятие «конкретизации».

⁷ См.: *Červenka M. Český volný verš devadesátých let*. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1963; *Červenka M. Symboly, písně a mýty. Studie o proměnách českého lyrického slohu na přelomu století*. Praha: Československý spisovatel, 1966. Обе работы написаны в русле структурной поэтики и представляют наиболее значимые публикации Червенки в 1960-е гг. Его монография «Významová výstavba literárního díla», завершенная во второй половине 1960-х гг., была опубликована лишь в 1978 г. на немецком языке — следствие политики нормализации после 1968 г.

⁸ См.: *Grygar M. Pojetí literárního vývoje v ruské formální metodě a v českém strukturalismu // Česká literatura*. 1968. Roč. 16, № 3. S. 266–289; *Strohsová E. Zpráva o diskusi // Česká literatura*. 1964. Roč. 12, S. № 2. 145–154; *Literární věda a současnost (Referáty z porady konané dne 11. a 12. prosince v Liblicích o úkolech literární vědy při dovršování kulturní revoluce.) / J. Mukařovský, Z. Pešat, M. Kačer, M. Pohorský, S. Šmatlák, J. Kolár // Česká literatura*. 1960. Roč. 8, № 1. S. 1–74.

дискуссия о соцреализме, идеология науки и прочие актуальные вопросы конца 1960-х гг. оказывались инструментом решения более общих проблем, непосредственно связанных с формами реализации самой власти внутри Чехословацкой АН.

Стоит отметить, что некоторые сотрудники — Ф. Шорм, И. Малек, О. Шик, Й. Мацек — были вместе с тем и активными членами партии, находившимися в эпицентре развития реформистского движения [8, с. 18]. Поэтому неудивительно, что начало общественных перемен отразилось и на жизни Академии, которой в течение 1968 г. был принят ряд решений, нацеленных на изменение отдельных принципов внутреннего устройства. Важным событием стало 24-е общее собрание членов Чехословацкой АН, состоявшееся 17 апреля 1968 г., на котором было заявлено о присоединении к программе демократизации общества, а также приняты постановления, целью которых были полная политическая автономия Академии, включая вопросы сотрудничества с иностранными институтами, передача основных полномочий, связанных с организацией научного процесса, самим ученым и т. п. [8, с. 19].

Несмотря на намеченные сотрудниками АН СССР в 1968 г. планы совместных работ с коллегами из ЧССР, в следующем году связь между Академиями наук двух стран начала ослабевать. В «Справке о ходе выполнения планов сотрудничества с научными учреждениями ГДР, Венгрии, Чехословакии в 1969 году и 1966–1968 гг.» замдиректора ИМЛИ В.Р. Щербина, на тот момент главный редактор ЛН, отмечает снижение интенсивности взаимодействия между институтом и чехословацкими коллегами:

В связи с чехословацкими событиями 1968 года научные связи ИМЛИ с литературоведческими институтами Чехословакии заметно ослабли. Была прервана традиция проводить регулярно каждые два года совместные симпозиумы в Праге и в Москве. Намеченный на 1969 год советско-чехословацкий симпозиум не состоялся, хотя Институт изъявил свою готовность провести очередной симпозиум в Москве.

В этих условиях особое значения приобрела поездка в Чехословакию секретаря партбюро Института, кандидата филологических наук Л.М. Юрьевой, кандидатов филологических наук И.А. Бернштейн и Р.М. Филипчиковой с задачей возобновить научные контакты и определить степень готовности чехословацких литературоведов к продолжению сотрудничества. Поездка в Чехословакию показала, что в академических кругах Чехии

и Словакии возрождается заинтересованность в совместной работе советских и чехословацких литературоведов⁹.

Но с того же 1969 г. проводимые в ЧССР политика нормализации (как официально назывался отказ от общественно-политических реформ) и курс на всемерное укрепление связей с СССР коснулись и Чехословацкой АН, вернув официальную науку в приоритетное русло контактов с советскими коллегами. На этом фоне 10 марта 1969 г. редколлегией ЛН был утвержден «План работы “Литературного наследства” на 1969–1975 гг.», в котором впервые упоминается «славянский том»¹⁰. Название запланированного издания — «Русская литература и западное славянство» (курсив мой. — Н.М.). Редактором был назначен С.А. Макашин, «год утверждения Ученым Советом ИМЛИ» определен как 1975 г.

В 1970 г. редакция ЛН вступает в переписку с рядом отечественных и чехословацких ученых с целью начать планирование нового совместного проекта. На основе сохранившихся документов видно, что этому предшествовала устная договоренность членов редколлегии ЛН с К.И. Ровдой¹¹, который в письме ответственному секретарю ЛН Н.А. Трифонову от 14 марта 1970 г. заявляет о возможности и необходимости начать формирование книги:

Уважаемый Николай Алексеевич! Прошу извинить меня за долгое молчание — по приезде было очень много дел. Теперь сообщаю Вам мои соображения по поводу предполагаемого издания тома «Литературного наследства», посвященного русско-славянским литературным связям. Его надо издавать, не откладывая на дальние сроки, так как хранящиеся в архивах материалы постепенно публикуют понемногу в разных изданиях, а лучше будет, если они будут объединены в более солидном томе. Это облегчит возможность пользоваться ими¹².

⁹ Архив РАН. Ф. 397 Оп. 1. Ед. хр. 768. Л. 28.

¹⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 140. В связи с тем, что фонд полностью не обработан, здесь и далее указывается лишь номер папки.

¹¹ Кирилл Иосифович Ровда (1901–1999) — специалист по истории русско-чешских литературных связей, с 1935 г. — сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В числе его работ: Чехи и русские в их литературных взаимосвязях: 50–60-е годы XIX в. Л.: Наука, 1968; Русско-чешские литературные связи, 50–60-е годы XIX в.: в 2 т.: дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград, 1971; Русская литература в чешских переводах (50–60-е годы XIX в.) // Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975. С. 132–156; Россия и Чехия. Взаимосвязи литератур 1870–1890. Л.: Наука, 1978; Глубокие корни: Новые книги о межславянских литературных связях // Русская литература. 1985. № 3. С. 216–226; На пороге обобщений: Новые книги чехословацких русистов // Русская литература. 1986. № 1. С. 214–215.

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

Участие ленинградского ученого на первых этапах подготовки тома было крайне важно, поскольку он являлся не только исследователем русско-чешских литературных взаимосвязей, но и выступал посредником, который имел возможность связать редакцию ЛН с академическим сообществом ЧССР. К процитированному выше письму Ровда приложил адрес директора Института языков и литературы Чехословацкой АН проф. Зд. Матгаузера и несколько раз подчеркнул важность контакта с ним:

Поэтому необходимо, чтобы редакция «Литературного наследства» теперь же написала письмо профессору З. Матгаузеру (если она уже не сделала этого) с официальным предложением сотрудничества. Он соберет предполагаемых участников и соберет их заявки.

В середине апреля 1970 г. в ответном письме Ровде Трифонов обозначил планы реализации оговоренного проекта. Из его письма видно, что редакция изначально хотела сфокусироваться на одной Чехословакии, но поступило указание объединить несколько славянских стран:

Я долго не отвечал на Ваши мартовские и апрельские письма, так как ждал разговора по интересующей Вас теме с главным редактором и другими членами редколлегии. На днях у нас состоялось редакционное совещание¹³, и я могу Вас кратко информировать о принятых установках. Некоторые из нас склонялись начинать с тома, посвященного связям с одним славянским народом (выдвигался для начала как раз проект чехословацкого тома), но мы получили установку начать работу по подготовке общеславянского тома, где были бы представлены наши связи и с чехами, и с поляками, и с болгарами.

Таким образом, на долю каждой страны придется не более 12 (максимум 15) листов.

Упор предлагается делать на взаимоотношения революционных и прогрессивных сил. Будем искать материалы, отражающие именно литературные связи, оставляя в стороне проблемы чисто философские и исторические. Будем стараться избегать мелкотемья, калейдоскопичности, случайных тем, выбирая более существенное и значительное. Желательно, чтобы были представлены в пер-

¹³ В последующих редакционных планах, которые принимались в 1970–1975 гг., ответственными за «славянский том» были Н.А. Трифонов, А.Н. Дубовиков. Реже упоминаются С.А. Макашин, Л.Н. Ланский (Каплан). См.: ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 140.

вую очередь материалы, связанные с крупными писательскими фигурами¹⁴.

Содержание этого предложения состоит из двух частей: идеологической и редакционной. К первой, естественно, относится политическая направленность будущих материалов; кроме того, важно отметить и публицистический штамп, связанный с проблемой «мелькотемья», который использовался в официальной печати литературными критиками и литчиновниками для обличения безыдейного изображения проблем повседневной жизни. В данном случае, вероятно, подразумевался отказ от рассмотрения проблем и вопросов, не связанных с соцреалистической культурой¹⁵. Редакционные же задачи были непосредственно связаны с традициями ЛН, которое всегда стремилось использовать обширный архивный материал для постановки и разрешения литературоведческих проблем, однако, как мы увидим далее, эта задача в процессе подготовки чешских глав не была достигнута.

Упомянутое в вышеприведенном письме редакционное совещание отражает коллегиальный характер работы над томом. Тем не менее вся организационная нагрузка была фактически сосредоточена в руках Н.А. Трифонова: именно он вел переписку со всеми отечественными и зарубежными участниками проекта, составлял внутренние отчеты о ходе подготовки материалов, оформлял отзывы на поступавшие заявки и статьи. А.Н. Дубовиков и Л.Р. Ланский, участвовавшие в заседаниях рабочей группы, по всей видимости, были задействованы прежде всего в редакторской работе — изучении и оценке поступавшего материала, и следов их служебной переписки по делам этого тома в архивах не сохранилось.

Редакция ЛН обозначила 1970 г. как период «разведки», в течение которой планировалось установить общение с институтами нескольких славянских стран и перейти к планированию содержания и состава самого тома. Инициатива прежде всего должна была исходить от зарубежных специалистов, которые имели возможность непрерывно работать с нужными архивами:

Напоминаю, что директор Института языков и литератур Чехословацкой Академии наук проф. Зденек Матгаузер дал

¹⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

¹⁵ Установку «правильного» подхода см., например: Метод живой, развивающийся (С пленума Совета по критике и литературоведению при правлении СП СССР) // Вопросы литературы. 1983. № 10. С. 3–45.

принципиальное согласие на участие сотрудников его института в предполагаемом Вами издании, а директор Литературного архива Национального памятника письменности Яромир Лоужил и его заместитель доктор Богач обещали предоставить в распоряжение этих сотрудников необходимые материалы. Сотрудники архива будут оказывать полное содействие в подборе необходимых материалов, но участия в комментировании и публикации принимать не будут¹⁶.

Редакция ЛН хотела также привлечь к участию и специалистов из СССР. В апрельском письме Ровда намечал приблизительный список тех, кто, по его мнению, мог бы работать над томом:

Очень полезным был бы здесь Петр Григорьевич Богатырев. Он скопировал много чехословацких материалов, хранящихся в архивах ЧССР, и передал их в ЦГАЛИ. Полезно связаться со всеми богемистами из Института славяноведения и ИМЛИ, у каждого из них, вероятно, есть что-то на примете: это товарищи Л.С. Кишкин, А.П. Соловьева, С.В. Никольский и многие другие. <...> Так как это будет общеславянский том, то могу назвать в качестве возможного участника сотрудницу нашего Пушкинского дома, занимающуюся польско-русскими литературными связями. Это Людмила Иванова Ровнякова, написавшая только что диссертацию о Вацлаве Серошевском, у нее имеется около ста пятидесяти писем этого польского писателя к русским адресатам, которые она могла бы предложить Вам¹⁷.

В апреле-мае 1970 г. редакция ЛН направила официальные приглашения зарубежным научным организациям, которые должны были принять участие в проекте, в том числе и в Институт языков и литературы Чехословацкой АН¹⁸. 15 мая 1970 г. Ровда в очередном письме в ЛН сообщил, что чехословацкие русисты уже начали предварительную подготовку к общему проекту:

¹⁶ Письмо К.И. Ровды в редакцию ЛН, апрель 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Письмо редакции ЛН М. Ботуре от 24 апреля 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106. Список организаций, в которые были направлены приглашения, сохранился в одной из рабочих тетрадей Трифонова; среди них: Ústav jazyku a literatury Československé akademie věd (Прага); Ústav svetovej literatúry a jazykov SAV (Братислава); Instytut Badań Literackich PAN (Варшава); Zakład Słowianoznawstwa PAN (Варшава); Zakład Narodowy im. Ossolińskich ("Ossolineum") (Вроцлав); Uniwersytet Wrocławski, Uniwersytet Jagielloński (Краков); Институт за литература при Българска академия на науките (София); Универзитет у Београду; Универзитет у Новом Саду; Institut za književnost i teatrologiju JAZU (Зарпреб); Slovenska akademija znanosti in umetnosti (Любляна). (Там же).

Извините, что не ответил Вам сразу — дела, дела, дела... Надеюсь, что Вы уже ответили Ботуре. Думаю, что тянуть с ответом не следует. Мне пишут из Праги, что там уже было по этому поводу совещание. У нас в Ленинграде гостит одна русистка из Брно и говорит, что и ей написали о том, что пражские русисты готовятся к участию в «Литературном наследстве»¹⁹.

Летом 1970 г. ЛН получило первое официальное письмо непосредственно из Чехословакии, в котором Зд. Матгаузер от лица Института языков и литературы Чехословацкой АН согласился принять участие в подготовке «славянского тома». Руководить работой со стороны Чехословакии было доверено Ю. Доланскому, к работе над статьями планировалось привлечь К. Крейчи, С. Вольман, М. Ботура.

Осенью того же года Зд. Матгаузер и Ю. Доланский прислали два варианта возможного содержания чешского раздела: «Письма передовых представителей русской культуры в Чехию в XIX и XX вв.» и «Сто лет русско-чешской культурной взаимности (с 1848 г.)». Оба проекта оказались слишком общими и лишенными конкретных историко-литературных проблем, которые можно было бы обосновать архивными публикациями. В случае с «Письмами передовых представителей русской культуры в Чехию в XIX и XX вв.» чешские специалисты предложили напечатать «все важнейшие материалы русской корреспонденции», хранящиеся в чешских архивах, в количестве около пятисот писем, и приложили обширный алфавитный список писателей и деятелей культуры:

Мы предлагаем в соответствии с прилагаемым списком русских материалов Литературного архива в Праге прежде всего следующих писателей: Аксаков, Андреев, Аверкиев, Аверченко, Бакунины, Балакирев, Бальмонт, Берг, Благовещенский, Боборыкин, Брюсов, Чайковский, Чехов, Даль, Герцен, Гончаров, Горький, Греч, Хомяков, Лесков, Майков, Миллер, Минаев, Немирович, Петровская, Пильняк, Писемский, Погодин, Пришвин, Пыпин, Ремизов, Самарин, Стасов, Шишков, А. Толстой, Л. Толстой, Тургенев, Тютчев, Веселовский, Вяземский, Жуковский и др.²⁰

¹⁹ Там же.

²⁰ Письмо Ю. Доланского и З. Матгаузера в редакцию ЛН от 28 сентября 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

Второй вариант, нацеленный на публикацию документов посредников русско-чешских отношений, также пестрит чрезвычайно большим количеством имен. При этом сами авторы письма отметили:

Этот вариант дает возможность разработки более глубокой идейной и культурной концепции, однако он значительно сложнее по своему характеру и потребует более длительного времени для его осуществления²¹.

Предложенные проекты, очевидно, являлись недостаточно проработанными и несоответствующими изначальному плану «избегать калейдоскопичности, случайных тем, выбирая более существенное и значительное»²². Поэтому неудивительно, что в ответном письме Щербина и Трифонов указали на чрезмерную всеохватность обоих предложений и просили «выделить несколько наиболее существенных конкретных тем, обеспеченных новым (неопубликованным или малоизвестным) материалом»²³ для развития второго варианта («Сто лет русско-чешской культурной взаимности (с 1848 г.)»).

Первый год работы над томом был ознаменован крупными переменами в Чехословацкой АН. Проводились внутренние разбирательства, связанные с отношением научных сотрудников АН к реформистскому движению, что вызвало многочисленные смещения с прежде занимаемых должностей и даже закрытие целых отделов. Лишился своего поста и Матгаузер. О происходящем 3 ноября 1970 г. редакцию ЛН известил Ровда, ведущий активную переписку с представителями чехословацкого научного сообщества:

Уважаемый Николай Алексеевич!

Копию присланного Вами мне письма из Праги я уже имел до 9-го. Мне его прислал Матгаузер с просьбой высказать о нем свое мнение. Кроме того, он обращается ко мне и к В.А. Ковалеву, нашему заведующему советским сектором, который там был недавно, по другим вопросам в области сотрудничества. Приглашает еще в гости. Но дело вот в чем: он теперь освобожден от директорства в институте, который возглавлял ранее, и назначен зав. сектором восточных литератур, которым ранее заведовал Моймир Грыгар.

²¹ Там же.

²² Письмо Н.А. Трифоновой к К.И. Ровде от 15 апреля 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

²³ Письмо Н.А. Трифоновой и В.Р. Щербины к Ю. Доланскому и Зд. Матгаузеру от 10 ноября 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

Директором института в настоящее время назначен Владимир Бретт. Это специалист по романским литературам, у него много трудов по французской литературе, в том числе книги о Р. Роллане и А. Барбюсе. Это чрезвычайно деятельный коммунист, занявший правильные партийные позиции. Он часто выступал и выступает в партийной печати с разоблачением ревизионизма и пропагандой марксизма-ленинизма. Он также переводит, в том числе поэзию. Бретт возглавлял комиссию по проверке института, который сейчас возглавляет. Раньше он заведовал в этом институте сектором романских литератур. И когда он обратился к Матгаузеру, бывшему тогда директором, за помощью при проверке деятельности института, Матгаузер отказался, он бойкотировал комиссию. Заявил, что он не пойдет против коллектива. Партийная позиция Вл. Бретта обошлась ему дорого и в личном плане. Его супруга потребовала, чтобы он изменил свою позицию, когда он отказался, она порвала с ним отношения и настроила также против отца своего сына. А его жена, кстати, русская. Вот какие бывают на этой почве конфликты.

Матгаузер теперь виляет и заискивает перед нами. Ему бы не следовало обращаться через голову своего директора, а он это делает, хотя пишет, что разговаривал с Бреттом о наших с ним, Матгаузером, беседах по совместному сотрудничеству. В его письме ко мне и Ковалеву содержатся предложения относительно созыва в Праге симпозиума с участием советских исследователей, в том числе ленинградцев, по вопросам социологии литературы. На наш взгляд, этот симпозиум необходим, чехословацких русистов и вообще литературоведов надо направлять на путь истинный, ставя перед ними такие проблемы, которые заставляли бы их занимать правильные классовые позиции. Но они должны действовать в этом плане не через голову своих руководителей, а под их руководством. Я еще не отвечал Матгаузеру. Но отвечу, что его предложения передал нашей дирекции, и дирекция будет вести переговоры с их руководством. Я не хочу завязывать с Матгаузером частную переписку по всем этим вопросам, в том числе и по вопросам, связанным с подготовкой тома «Литературного наследства», посвященного русско-славянским связям. Матгаузер, посылая мне копии писем, адресованных В.Р. Щербине, спрашивает моего разрешения держать меня в курсе дела и в дальнейшем. Я ему отвечаю, что я нахожусь в связи с Вами по этому вопросу, и этого вполне достаточно, а с ним не буду затевать переписки, чтобы не поощрять его действий, направленных на игнорирование В. Бретта. Мне бы казалось, что и Вы должны были бы адресоваться не к Матгаузеру и Полянскому,

а к директору Владимиру Бретту и этим дать понять им, что Вы имеете дело с управой учреждения, а не с теми, кто пытается действовать через голову руководителя.

Недавно я получил письмо от академика Ладислава Штолла. Я просил высказать его мнение о моем обзоре. Дело в том, что когда я его готовил, то мы тут советовались относительно тона. Я сначала написал в более резком тоне, а потом смягчил, а потом опять немного заострил, кое-что редакция убрала и т. п., но мягкость моего тона связана с тем, что уж больно много русистов было сбито с толку в Чехословакии такими людьми, как М. Прозда и др., Матгаузер. Их надо убеждать и убеждать. А таких, как Прозда, Эффенбергер, Пинкава, Сус и им подобные, критиковать более резко. Это ревизионисты. Я этого пока не употребил по отношению к ним, но в будущем буду писать резче. Впрочем, в принципиальных вопросах я не делаю никаких уступок, дело только в тоне. Но и тон должен быть к таким людям, каких я назвал, резче, чтобы они это чувствовали. Это я понял и из письма Л. Штолла. Он пишет о моей статье: «Внимательно ее прочитал. Считаю ее очень значительным критическим выступлением, правильным как по существу, так и по тону». Это хорошо. А дальше вот что: «Я бы некоторые суждения высказал намного резче, но понимаю, что Вам положено выступать в ином плане, отвечающем Вашей позиции». Думаю, что он просто не хочет обидеть меня и то, что надо о чем-то писать резче, относится не только к его позиции, но и к нашей позиции. С этим надо считаться. Он благодарит за то, что я выступил в его защиту против Пинкавы, а затем сообщает вот что. Так как Вы просите от меня информации о положении дел в среде чехословацких русистов, то я и приведу Вам отрывок из его письма. Правда, о положении не только русистов, а вообще чехословацких литературоведов, также и русистов: «Самым важным во всем этом деле, — пишет, — есть то, что критикуемые Вами отдельные явления и тенденции не являются случайными, все это — большое отклонение от главного направления развития нашего искусства. Все это подтверждается доказательствами уже более десяти лет. И думаю, что Вы правильно указываете на постоянное стремление подчинить теорию искусства и эстетику идеологии или, лучше сказать, методологии структурализма. Но именно у нас в области литературной науки стремятся к монополии одной исследовательской точки зрения и утверждению ее как единственного научного метода! Эта тенденция, как тенденция так называемой “деидеологизирующей” науки, находит, понятно, на Западе поддержку. наших структуралистов ныне публикуют

в переводах в ФРГ, в Швейцарии, в Голландии и в других странах, что делает их авторитетами международного научного мира. Социально-исторический аспект и какой-либо другой аспект, который относится критически к имманентному (*immanentistickemu*), структуралистскому пониманию литературного процесса и стремится указать социальные корни, общественный смысл и влияние художественного творчества, подвергается ожесточенным атакам как якобы устаревший, игнорирующий специфику, уже преодоленный вульгарно-социологический и ненаучный подход к художественному творчеству. Против него выступающие последователи структурализма, имманентизма постоянно спланивались в агрессивный клан, который в течение нескольких лет оказывал влияние в искусствоведческих учреждениях и в высших школах, устраняя каждого, кто пытался критически выступать против этих объективистских, в сущности, идеалистических, направлений в литературоведении.

За несколько последних лет сторонникам этих тенденций удалось, как я думаю, увлечь большую часть научной молодежи. В этом в данное время, с моей точки зрения, наша наибольшая слабость. Вина за это лежит, бесспорно, также на руководстве идеологического отдела партии, которое эти скрытые процессы на протяжении многих лет не замечало.

Этими вопросами у меня полна голова. Это связано также с той новой задачей, которую на меня возложили. Думаю о том, что делать, как создать условия для искусствоведческой деятельности, как объединить силы, различные аспекты, как создать атмосферу для товарищества с принципиальным обменом мнений, как предотвратить возможность возникновения котерий и групп, которые меньше всего беспокоятся об истинном научном познании, а больше всего о действиях с позиции силы. О такой атмосфере плодотворной товарищеской дискуссии, содействующей снижению накала, думал я, когда писал свою книжку, которую вы рецензировали. Я был, признаться, наивен, когда поверил в такую возможность при тогдашних условиях. Понадобилось несколько продолжительных нападений, начатых по радиостанции “Свободная Европа”, прежде чем мне стало ясно, что речь идет уже не о научной дискуссии, а о чем-то совершенно ином, что совершенно уже явно в 1968 году» (15 октября 1970 г.).

Даже и теперь трудно выступать в научной печати тем, кто занимает правильные позиции. Пишет мне один русист Бржетислав Лейдар, который помещал острые статьи, разоблачающие ревизионизм русистов в общей прессе, что только сейчас происходит смена

редакторов в научных журналах. Так, смещен редактор журнала «Русский язык», и теперь появилась возможность публиковать там статьи. Несколько десятков русистов выступило в «Литерарных новинах» и газете «Руде право» с заявлениями о своих ошибках и позициях в 1968 году, но редкие из них, кроме Б. Лейдара, выступают с критикой Дрозда и Матгаузера. Словом, с русистами положение у нас все еще остается сложным. <...>²⁴

В следующем календарном году (1971) работа над томом практически не велась. Наибольшая активность была проявлена ленинградским богемистом и переводчиком чешской литературы О.М. Малевичем, приславшим заявки на 6 статей. Несмотря на разнообразие предложенных сюжетов («Илья Эренбург в Чехословакии»; «Неопубликованные письма русских писателей в Литературном архиве Национального музея в Праге»; переписка Й. Горы с Б.Л. Пастернаком и интервью поэта немецкому журналисту Ф. Брюгелю; выборка статей Ф. Кубки из его книги «Голоса с Востока»; статьи межвоенного словацкого журнала «ДАВ», на страницах которого писали о советских писателях; обобщенный обзор «Советские писатели в Чехословакии. Чехословацкие писатели о своих советских коллегах»)²⁵, ни один из них не соответствовал выбранной редакционной стратегии. Часть материалов имели те же недостатки, что и идеи, предложенные Матгаузером и Доланским, а именно: обширность материала и отсутствие фокуса на одной или нескольких значимых проблемах историко-литературного процесса. Другая часть (например, интервью Б. Пастернака, статьи из сборника Ф. Кубки) опиралась на уже опубликованные материалы. При этом сам Малевич писал:

Есть все основания и для написания статьи «Франтишек Кубка как пропагандист русской литературы», или шире «Франтишек Кубка и русская литература», но нам представляется, что более ценным материалом для «Литературного наследства» явятся сами очерки Кубки о русских и советских писателях и своих встречах с ними²⁶.

²⁴ Письмо К.И. Ровды в редакцию ЛН от 3 ноября 1970 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

²⁵ Письмо О.М. Малевича в редакцию ЛН от 11 ноября 1971 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

²⁶ Там же.

В ответном письме Трифонов объяснял жанровые требования к публикациям в ЛН:

Что касается очерков Ф. Кубки, то перепечатывать их из книги «Голоса с Востока», конечно, нецелесообразно, как бы ни были они интересны. Это не в правилах «Литературного наследства». Другое дело — большая статья на тему «Ф. Кубка как пропагандист советской литературы» с публикацией неизвестных писем к нему советских писателей из его личного архива²⁷.

Аналогично были скорректированы и другие заявки, на каждую из которых Трифоновым выдвинуто встречное предложение: либо сфокусироваться на узком круге материалов, имеющих историко-литературную ценность, либо трансформировать сюжет в аналитическую статью, как в случае с Ф. Кубкой.

Немаловажным является и постскрипtum к письму Трифонова, в котором отразилось общее состояние работы над сборником к началу 1971 г.:

Нельзя ли просить Вас осведомиться у других ленинградских славистов (в частности, у Т.С. Карской, И.М. Порочкиной, Н.К. Жакowej, С.С. Ланды, В.П. Вильчинского), почему они не присылают нам обещанных заявок и материалов. Скажите, пожалуйста, им, что все сроки прошли и мы ждем выполнения их обещаний²⁸.

Судя по архивным материалам, редакция ЛН в 1971 г. была занята организационными вопросами, в частности, пыталась привлечь к работе над томом сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР, поскольку ощущала необходимость делегирования ряда полномочий профильным исследователям-регионалистам.

Обращение редакции ЛН к Институту славяноведения и балканистики было закономерным следствием той роли, которую этот научный центр, основанный в 1947 г., играл в советском славяноведении. К числу ключевых направлений деятельности ИСБ в 1960–1970-е гг. относились: изучение межславянских исторических и литературных связей, изучение литератур социалистической направленности, типологическое исследование литературного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, подго-

²⁷ Письмо Н.А. Трифонова к О.М. Малевичу от 31 января 1971 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106

²⁸ Там же.

товка совместных документальных изданий [1, с. 40]. С 1965 г. начал выходить журнал «Советское славяноведение» — единственное в стране специализированное издание подобного профиля, объединявшее исследователей из разных учреждений страны и активно принимавшее публикации зарубежных авторов.

4 мая 1971 г. Щербина и Трифонов обратились к директору ИСБ, члену-корреспонденту АН СССР Д.Ф. Маркову, с предложением совместно подготовить том, посвященный взаимосвязям русской литературы с литературами других славянских стран. В письме подчеркивалось, что ИСБ «располагает большим количеством специалистов, разрабатывающих эту тематику»²⁹; совместный характер издания предполагалось отразить на титульных листах книги. Уже 2 июля 1971 г. состоялось первое заседание рабочей группы по подготовке тома, на котором присутствовали представители обоих институтов: от ИСБ — Т.П. Агапкина, Ю.В. Богданов, Л.С. Кишкин, С.В. Никольский, Д.С. Прокофьева, Б.Ф. Стахеев; от редакции ЛН — А.Н. Дубовиков, Л.Р. Ланский, Н.А. Трифонов; от сектора социалистических стран ИМЛИ — С.И. Бэлза.

Принцип организации труда был закреплён протоколом: каждый сотрудник ИСБ прикреплялся к определенному национальному разделу тома и совместно с редактором ЛН был ответствен за подбор материала, как в советских архивах, так и в зарубежных, привлечение авторов, рецензирование и редактирование поступавших текстов³⁰. Национальная специализация членов группы непосредственно определяла их зоны ответственности. Согласно письму редакции ЛН от 2 июня 1972 г. с ходатайством о зарубежных командировках, распределение было следующим: В.И. Злыднев курировал болгарский раздел, А.П. Соловьева, Л.С. Кишкин, С.В. Никольский, И.А. Богданова — чехословацкий, Ю.Д. Беляева, Н.И. Кравцов — югославский, Б.Ф. Стахеев, Т.П. Агапкина, Е.З. Цыбенко и Д.С. Прокофьева — польский³¹. Также предполагалось, что каждый национальный раздел будет предваряться вступительными статьями, авторами которых должны были стать сотрудники ИСБ.

Сотрудничество не ограничивалось формальным распределением обязанностей. Поскольку значительная часть архивных источников хранилась за рубежом, редакция ЛН добивалась для членов рабочей группы специальных командировок в социалистические

²⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

³⁰ Протокол № 1 заседания рабочей группы по подготовке тома, посвященного русско-славянским литературным связям, от 2 июля 1971 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

³¹ Письмо В.Р. Щербины, Н.А. Трифонов к Д.Ф. Маркову от 2 июня 1972 г. // Там же.

страны сроком от двух до шести недель. В 1974 г., когда польский и чехословацкий разделы уже располагали собранным материалом, наибольшие затруднения вызывал сбор болгарского материала: коллеги из Института литературы Болгарской Академии наук неоднократно обещали прислать статьи и публикации, однако так и не выполнили своих обязательств. В связи с этим Н.А. Трифонов просил Д.Ф. Маркова воспользоваться плановой командировкой В.И. Злыднева в Болгарию и продлить ее на одну неделю для переговоров с болгарскими исследователями³² — что красноречиво свидетельствует и о зависимости темпов работы над томом от живых личных контактов, и о той роли, которую ИСБ играл в качестве институционального посредника между ЛН и зарубежными научными центрами.

По некоторым фрагментам переписки 1970–1971 гг. становится ясно, что общение с чешскими специалистами продолжалось, однако осуществлялось при личных встречах, в том числе благодаря участию приглашенных ученых-славистов, имеющих установленные контакты с зарубежными учеными и ездящими в командировки в страны, на которых они специализировались. Так, при встрече в Москве чешский русист М. Заградка через А.П. Соловьеву передал свою заявку на тему «Коммунистическая печать Чехословакии и советская литература в период между 1-й и 2-й мировыми войнами»³³.

Но главные перемены в те годы происходили в самой Чехословакии. Сохранился небольшой рукописный отчет о встрече с Э. Олоновой, состоявшейся 12 августа 1971 г. Вероятно, чешская исследовательница была направлена в редакцию ЛН для объяснения ситуации с подготовкой тома и переменах в составе рабочей группы. В нее к августу 1971 г. входила сама Э. Олонова, Э. Германова и Ю. Доланский, вышедший к тому времени на пенсию, но оставшийся в группе в качестве комментатора³⁴. Также Олонова сообщила о переменах в структуре Чехословацкой АН и о том, что группа приняла решение остановиться на втором прошлогоднем предложении, приняв во внимание те корректировки, которые были обозначены редакцией ЛН³⁵.

Несмотря на устные договоренности, за которыми должны были последовать заявки и конкретные предложения по статьям,

³² Письмо Н.А. Трифоновой к Д.Ф. Маркову от 4 апреля 1974 г. // Там же.

³³ Письмо Н.А. Трифоновой к Э.М. Олоновой от 16 ноября 1971 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

³⁴ Беседа с Э.М. Олоновой (12 августа 1971 г.) // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

³⁵ Там же.

соответствующим тематике чешских глав тома, можно констатировать, что 1971 г. не был продуктивным с точки зрения подготовки материалов, и даже назначенная еще на 1970 г. «разведка», то есть поиск тем и определение композиции всего раздела, не была окончена. В письме к Олоновой Трифонов отмечает, что договоренности о подаче заявок нарушены и что редакция так и не получила планы и варианты статей будущих авторов:

Уважаемая Эльвира Михайловна! Прошло уже почти 3 месяца после нашей беседы в редакции «Литературного наследства», и я хотел бы осведомиться о том, как идет у Вас в Праге работа по собиранию и подготовке материалов для нашего тома.

Хотелось бы, чтобы все участники этой работы активизировались, и чтобы в оставшиеся недели этого года мы получили уже конкретные развернутые заявки от авторов статей и публикаторов.

Мы здесь имели беседу об участии в томе с Мирославом Заградкой (в сентябре) и академиком Л. Штоллом (в начале ноября).

Заградка выразил свою готовность участвовать в томе и дал заявку на статью «Коммунистическая печать Чехословакии и советская литература в период между 1-й и 2-й мировыми войнами». Он же выразил готовность поговорить еще с некоторыми чешскими русистами. Академик Штолл обещал всяческую поддержку нашему начинанию. Он, в частности, говорил о возможности использовать материал из архива Зд. Неядлы.

Итак, напишите нам, в каком положении дела, что уже Вами предпринято и когда можно ждать первых поступлений. Кому следует еще написать?³⁶

В начале 1972 г. в редакцию ЛН через А.П. Соловьеву поступило новое предложение от чешских русистов³⁷. К 1972 г. их рабочей группой руководит уже Л. Штолл, повторно возглавивший в этом году Институт чешской и мировой литературы (Ústav pro českou a světovou literaturu). Он, в отличие от Матгаузера и Доланского, не являлся специалистом по истории русской литературы и русско-чешским литературным связям, однако был членом ЦК Коммунистической партии Чехословакии с 1946 г., в 1950-е гг. занимал должности заместителя министра образования, министра культуры, ректора Института общественных наук (Institut společenských věd), после

³⁶ Письмо Н.А. Трифонова к Э.М. Олоновой от 16 ноября 1971 г.

³⁷ Письмо Э.М. Олоновой в редакцию ЛН от 31 января 1972 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

чего успешно служил в Чехословацкой АН, возглавляя Институт чешской и мировой литературы в 1962–1968 гг. и с 1972 г. до самой смерти в 1981 г.³⁸

В течение двух последующих лет в редакцию ЛН присылались и передавались заявки, за которыми в отдельных случаях следовала и посылка самих статей и дополнительных материалов. Реорганизация рабочей группы и перестановки внутри Чехословацкой АН стимулировали процесс сбора тома. Была избрана самая общая тематическая рамка — «Сто лет из истории русско-чешских литературных отношений»³⁹. Группа пополнилась новыми участниками. Э. Германова, Ш. Влашин, А. Элинек и Э. Олонова представили свои заявки в январе 1972 г., чуть позже их прислали М. Благинка, В. Влашинова. Среди чешских специалистов Э. Германова должна была сосредоточиться на периоде XIX в., а остальные исследователи — на XX в. Присланные заявки были большим существенным прорывом в подготовке чешских материалов «славянского тома». Постепенно у редакции начало складываться целостное представление о структуре и содержании готовящегося издания.

1972 г. должен был стать временем итогового сбора статей, за которым последовала бы редактура, однако в ответ на озабоченное письмо Ровды, в котором он указывает, что последний срок подачи работ был 1 января 1973 г.⁴⁰, Трифонов отвечает:

Многоуважаемый Кирилл Иосифович! Получил Вашу открытку. С присылкой рукописи пыпинских статей Вы еще не опоздали. Том у нас складывается медленно и со скрипом. В ближайшее время нам должны прислать свои материалы (судя по обещаниям, довольно обильные) наши коллеги из Праги и Братиславы. Тогда будут ясны контуры чешско-русского раздела, и будем утверждать его содержание⁴¹.

В мае 1973 г. Трифонов написал еще одно письмо Ровде, в котором подтвердил, что чехословацкие русисты прислали обещанный материал, а также отметил, что сам проект тома еще не был утвержден редколлегией:

³⁸ Rudé právo. 1981. № 1/7 S. 2; См.: *Andreas P.* “Celkem značně uklidněn a chutí do nové práce”. Ladislav Štoll v období pražského jara a rané konsolidace // *Česká literatura*. Roč. 65. 2017. S. 846–871.

³⁹ Письмо Э.М. Олоновой в редакцию ЛН от 28 января 1972 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

⁴⁰ Письмо К.И. Ровды в редакцию ЛН от 4 марта 1973 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

⁴¹ Письмо Н.И. Трифопова к К.И. Ровде от 13 марта 1973 г. // Там же.

Из Чехословакии уже поступила часть материалов для тома, и очертания чешско-русского раздела теперь вырисовываются с большей ясностью. Поэтому можно сказать более определенно о наших намерениях (правда, не утвержденных официально редколлегией) относительно Ваших материалов⁴².

За 1973 г. были собраны основные статьи и материалы, которые должны были составить чешские главы будущего тома. Из семи пришедших работ к XIX в. относились публикуемые Ровдой «Письма о русской литературе» А.Н. Пыпина и статья Германовой «Поэзия Некрасова в чешской культурной жизни 1870-х гг.». Остальные статьи и материалы были посвящены XX в.: Малевич выслал ранее опубликованное интервью Пастернака и его небольшую переписку с Й. Горой, поэтом и переводчиком его стихотворений на чешский язык, а также совместно с Ф.А. Молоком им была подготовлена обзорная статья-летопись о советско-чехословацких контактах; В. Влашинова прислала статью «Чешская критика о Салтыкове-Щедрине»; Ш. Влашин — статью «Бедржих Вацлавек как критик советской литературы 1920-х гг.»; М. Благинка — статью «Незвал в СССР»; Э. Олонова предложила для публикации письма А.И. Тарасова-Родионова к М. Майеровой с преамбулой и комментарием.

На примере собранных материалов заметна определенная тенденция, свойственная всей работе над томом: выбор тем во многом продиктован включенностью писателя либо в соцреалистический канон (случай Майеровой, Незвала, Вацлавека), либо его определением марксистской критикой как революционного демократа (Некрасов, Салтыков-Щедрин). Особняком стоят письма Пыпина, историка, слависта и двоюродного брата Н.Г. Чернышевского, чьи труды не переиздавались в советское время, и материалы, связанные с Пастернаком и Горой — фигурами в тот период «спорными». Следы дискуссий, ведущихся вокруг них, видны в переписке редакции ЛН с Малевичем. Трифонов в отзыве на его статью писал:

В характеристике пути Й. Горы обойдены острые углы и трудные периоды. Когда Вы говорите, что в его поэзии синтезировались чуть ли не все литературные направления, получается чуть ли не апологетический тон. Между тем не должно быть никакой апологетики ни Горы, ни Пастернака.

⁴² Там же.

Тут же содержалось замечание относительно другой фигуры:

Есть и некоторые трудные для публикации места. Я не уверен, что можно будет оставить упоминания о Р. Якобсоне в таком тоне⁴³.

Статья Малевича в итоге вышла, но уже после того, как редакция ЛН отказалась от идеи издания «славянского тома»: она была передана в «Вопросы литературы» и опубликована в 1979 г.⁴⁴ В ней, как и планировалось, было напечатано интервью Пастернака с австрийским журналистом Фрицем Брюгелем, которое впервые было опубликовано в чешском журнале в 1936 г.⁴⁵, а вместе с ним два письма Пастернака и одно ответное письмо Горы. Примечательно, что в опубликованном тексте имя Р.О. Якобсона сохранилось: его статья охарактеризована как «прекрасная», а сам Пастернак предлагает в случае затруднений при переводе стихов обращаться к филологу за разъяснением темных мест.

Судьба статьи Малевича показательна, поскольку демонстрирует довольно жесткие рамки, заданные редколлегией в отношении данного тома, что, безусловно, подчеркивает особый идеологический статус проекта.

Детальное рассмотрение всех присланных статей и материалов выходит за рамки настоящей работы: часть из них была впоследствии опубликована⁴⁶, судьбу остальных точно установить еще не удалось. Среди напечатанных — два материала, представлявших несомненный историко-литературный интерес. Статья Э. Олоновой вводила в оборот документы из пражского архива М. Майеровой: неопубликованные воспоминания о встрече с Маяковским в Праге в 1927 г., переписку с Тарасовым-Родионовым о переводе его повести, материалы о переводах Бабеля — живые свидетельства

⁴³ Письмо Н.А. Трифонов к О.М. Малевичу от 2 июля 1973 г. // Там же.

⁴⁴ Йозеф Гора и Борис Пастернак (К истории одного перевода) / вступит. статья, коммент. и публ. О. Малевича и Е.В. Пастернак; пер. с чешского О. Малевича // Вопросы литературы. 1979. № 7. С. 177–187.

⁴⁵ F. Brugel. Rozmluva s Borisem Pasternakem // Listy pro umení a kritiku. 1936. Roč. IV, № 1. S. 10–12.

⁴⁶ Письма А.Н. Пыпина о русской литературе в чешском журнале / публ. К.И. Ровды // Литературные связи славянских народов. Исследования. Публикации. Библиография. Л: Наука, 1988. С. 237–273; *Olonová E. Z archívu Marie Majerové* // Česká literatura. 1982. Roč. 30, № 2. S. 164–175; Ш. Влашин в 1979 г. издал монографию о Б. Вацлавке: *Vlašin Š. Beřich Václavěk. Praha: Melantrich, 1979*; М. Заградка не прислал свои статьи, однако план его заявки коррелируется с книгами, которые были изданы им в 1970–1980-х гг.: Alexandr Fadějev a Československo. Ostrava: Profil, 1976, 104 s. (spoluaut. C. Kučera); Sovětská literatura a my: O československo-sovětských literárních vztazích let 1918–1978. Praha: Československý spisovatel, 1981. Непринятая статья Ф.А. Молока «Пушкинский юбилей 1937 г. в Чехословакии» позже вошла в его работу: Пушкинский юбилей 1937 года в русском зарубежье // Русская литература. 1999. № 4. С. 143–152.

советско-чешского литературного сближения межвоенных лет. Публикация Ровды впервые знакомила русскоязычного читателя со статьями Пыпина 1858–1859 гг. из «Журнала Чешского королевского музея»: в них один из сотрудников «Современника» представлял чешской аудитории реалистическое направление русской литературы — в противовес славянофильской картине, до тех пор определявшей чешские представления о России.

Тематика присланных чешских материалов в целом позволяет сделать наблюдение, существенное для понимания общей логики подготовки всего тома. ЛН традиционно придерживалось определенной редакционной модели: каждый том строился вокруг историко-литературной темы, развить и описать которую было можно прежде всего с помощью введения в научный оборот новых архивных материалов — неопубликованных писем, дневников, автографов и т. п. Именно эта связка между аналитическим рассмотрением заданной тематики и архивной публикацией составляла отличительную черту издания и определяла его научный вес. В случае замысла чешского раздела эта модель в полной мере реализована не была. Большинство присланных статей тяготело либо к документальному монтажу без выраженной аналитической рамки, как статья Благинки о Незвале, представлявшая собой подборку высказываний поэта об СССР из разных источников за многие годы, либо к сюжетам, охватывавшим слишком широкий хронологический и тематический диапазон. Статьи о чешской критике Салтыкова-Щедрина или о Вацлавке как критике советской литературы воспроизводили логику историографического обзора без архивных открытий, от чего редакция ЛН предостерегала участников с самого начала переговоров.

Следующие два года редакция ЛН фактически не вела переписку с чешскими исследователями. Из корреспондентов остался только Малевич, который в течение этого времени пытался собрать дополнительные материалы к летописи советско-чешских отношений 1920–1930-х гг., которой он был занят совместно с Молоком, а также перерабатывал свою вступительную статью к материалам о Пастернаке и Горе. Пауза в общении является закономерным результатом после трех лет совместной работы. Если бы подготовка тома шла планомерно, то ЛН должно было еще в 1973 г. перейти к редактированию и предпечатной подготовке тома, однако децентрализация проекта и невыполнение обещаний — высылка статей в положенные сроки⁴⁷ — замедлило процесс сбора материала.

⁴⁷ Письмо Н.А. Трифонова директору Института литературы Болгарской Академии наук Т. Жечеву от 2 апреля 1974 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126. В нем Трифонов

Положение дел в других национальных разделах тома складывалось не менее сложно.

Польский раздел был наиболее развернутым. Был собран обширный круг материалов — неопубликованная рукопись П.Я. Чаадаева «Un mot sur la question polonaise» (1831), письма Герцена и Огарева к польским революционерам, семь неизданных писем Мицкевича к русским корреспондентам, переписка Вл. Броневского, письма Эренбурга к Тувиму и многое другое [7, с. 127–132]. С советской стороны ключевую роль играл историк-полонист С.С. Ланда, готовивший работы о переводчике польской литературы В.Г. Анастасевиче и Мицкевиче [7, с. 124–125]. Однако, несмотря на обилие собранного, часть материалов дублировала уже опубликованное или не соответствовала редакционному принципу ЛН опоры на впервые вводимые в оборот архивные документы.

Болгарский раздел с самого начала складывался труднее всего. Трифонов сформулировал для него четкую тематическую программу — восприятие Пушкина, Толстого, Горького, Маяковского и советской литературы в Болгарии — и предпринял попытку привлечь к участию крупных болгарских писателей (Г. Цанев, О. Василев, Х. Радевский, Г. Караславов). Из всего круга приглашенных откликнулись немногие: Г. Цанев прислал статью «Русская классическая и советская литература в моей жизни», а М. Гургулова «Болгария в творчестве и жизненной судьбе В. Гаршина».

Югославский раздел также располагал рядом присланных материалов: о Короленко в Югославии (П. Митропан), о журнале «Зенит» и советской литературе (А. Флакер), «Киевский дневник» С. Ранковича (М. Стойнич), статья о Лермонтове в Словении (Л. Кракар). Свои мемуарные свидетельства прислали поэтесса Д. Максимович и переводчик Маяковского и Горького Р. Загович.

Словацкий раздел отличался документальной конкретностью: анонимная статья 1868 г. «Русский голос к словакам» с установленным на основе сохранившихся документов авторством (В. Матула), исследование на основе неопубликованной переписки Я. Влчка с профессором Киевского университета Т. Флоринским, которая была посвящена переводу на русский язык «Истории словацкой литературы» (М. Молькер), работа об отношении Л. Новомеского к советской литературе (К. Розенбаум), материалы о визитах советских писателей в Словакию и словацких писателей в СССР

с сожалением сообщает новому руководителю института следующее: «до сих пор несмотря на неоднократные наши напоминания мы не получили никаких материалов, кроме статьи Х. Дудевского».

в 1920–1930-е гг. (Л. Кнезек), статья о русских поэтах в словацких переводах (Э. Панова) и материалы о журнале «ДАВ» и советской литературе (В. Черевка).

Несмотря на отдельные яркие идеи и материалы, нельзя сказать, что планировавшийся том на момент 1975 г. отличался глубиной проработки и архивной новизной. Скорее, собранные статьи в большей степени походили на типичный межинститутский сборник тех лет, участие в котором приняли исследователи разных стран, прислав материал по интересующей их теме.

В ответ на письмо Малевича, в котором он просил прислать ему статью о Пастернаке и Горе, чтобы приступить к ее доработке, Трифонов сообщил, что в начале 1976 г. будет рассматриваться вопрос о целесообразности продолжения подготовки всего издания и после вынесенного решения статью пришлют Малевичу⁴⁸.

Среди архивного массива документов, связанных со «славянским томом», есть и те, которые проливают свет на внутриредакционные оценки хода работ по подготовке книги. Сохранился один из черновиков «сообщения» Трифонова для отчета перед редколлегией и руководством ИМЛИ, в котором обозначены важные причины будущего отказа от издания тома.

Сообщение о работе над русско-славянским томом (конечно, его офиц<альное> название будет иное — м<ожет> б<ыть>, «Русская литература и зарубежный славянский мир»).

Я хочу начать с указания на то, что работа над этим томом связана с некоторыми особыми трудностями. Поэтому она идет гораздо медленнее, чем хотелось бы. Какие же трудности я имею в виду?

Приступая к созданию наших томов, мы чаще всего исходим из конкретного, имеющегося в нашем распоряжении материала (и это нормальный путь). Напр<имер>, в Архиве Горького лежит переписка Гор<ького> с советскими писателями. Она и составила собрание 70 тома. Или другие примеры — записки Маковицкого, материал трудный, требующий большой и напряженной текстологической работы, но это налицо перед нами.

В [данном] же случае мы исходим (только) от идеи, от темы, а материал нужно искать, при этом обнаруживаем, что его нелегко найти, так как на протяжении последних 25–30 лет и наши, и зарубежные исследователи уже очень много опубликовали и исследовали, они много написали на тему о наших литературных связях.

⁴⁸ Письмо Н.А. Трифонова к О.М. Малевичу от 31 декабря 1975 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

[Назову только несколько примеров]

Изучение литер<атурных> взаимосвязей (важное направление нашего славяноведения). Этим усиленно занимались три больших научных центра — 1) <в> Инст<итуте> Славяноведения, <2> в ИМЛИ, <3> в ИРЛИ, не говоря уже о многих периферийных учреждениях⁴⁹. <...>

Вторая трудность. У нас в редакции нет прямых специалистов по этой теме. Мы как дисциплинированные солдаты взялись за нее, но нам приходится иметь дело с недостаточно знакомым материалом и лишь постепенно, медленно приобретать ориентировку в этом безбрежном мире. К тому же мы совершенно недостаточно владеем славянскими языками (я, например, могу читать только по-польски).

Поэтому мы не можем работать без тесного сотрудничества со специалистами-славистами, о чем будет сказано дальше.

3. Мы решили делать этот том совместно с зарубежными научными учреждениями и исследователями. И поэтому приходилось очень много времени и усилий тратить на организационную работу, на установление и поддержание контактов и связей, на постоянную переписку (за последние годы главным жанром, которым занимаюсь, стал эпистолярный).

При этом результат часто не оправдывал наших усилий. Многие заруб<ежные> русисты и акад<емические> учреждения проявляют к нашим предложением чисто платонической интерес и ограничиваются лишь обещаниями (я это покажу дальше на примере Болгарии).

4. Некоторые материалы поступают к нам на иностранных языках. Нужно переводить. Это затягивается. Трудно найти тех, кто берется за перевод. Мы договорились с <нрзб> что тот будет оплачивать по 40 р<ублей> за лист. Но это квалифиц<ированных> переводчиков не устраивает, а неквалифицир<ованные> дают нечто маловразумительное. К тому же иногда после перевода мы убеждаемся, что статья или публикация недостаточно ценная для нас, недост<аточно> значительная. Получается, средства <нрзб> затрачены впустую.

5. Я не упомянул еще об одной трудности, возникающей на пути оплаты зарубежных авторов. До присоединения нашей страны к Женевской конвенции⁵⁰ все было очень просто, мы обычно вы-

⁴⁹ Далее в сообщении идет длинный список сборников, изданных в 1950–1960 гг. и посвященных различным аспектам литературных связей между русской культурой и славянским миром: приведено около 15 наименований.

⁵⁰ СССР присоединился к Женевской Всемирной конвенции об авторском праве 27 февраля 1973 г.

плачивали и заруб<ежным> авторам гонорар в советских деньгах, и авторы, проездом Сов<етскую> страну, получали гонорар или высылали доверенность своим знакомым и родственникам. Теперь нужно будет платить в валюте той страны, откуда автор.

Придется получать разрешение, согласовывать с вышестоящими организациями.

Кстати, я уже консультировался с ВААП — новосозданным Всесоюзным Агентством по охране Автор<ских> прав.

Разговарив<ал> с Н.П. Карцевым. Он говорит, что изд<ательство> (а м<ожет> б<ыть> РИСО) должно переправить письмо в ВААП с тем, чтобы урегулировать вопрос на оплату авторов, привлеченных из заруб<ежных> стран. <...>

6. При наличии нашего очень маленького редак<ционного> коллектива и насыщенного нашего плана приходится параллельно работать над несколькими темами и главное внимание уделять другим темам, которые содержатся в плане или материал по которым накапливается быстрее.

Так А.Н. [Дубовиков] был занят Буниным и затем сбор<ным> томом, который утвердили. <...>⁵¹

Обширный перечень организационных трудностей, зафиксированных в «сообщении» Трифонова, тем не менее отходит на второй план перед концептуальными противоречиями, определившими судьбу тома. Разрыв между редакционной политикой ЛН, предполагавшей единство историко-литературной темы и самих архивных или аналитических публикаций, и тем материалом, который в итоге был собран, оказался непреодолимым. Работа с представителями четырех зарубежных научных сообществ, каждое из которых обладало собственными представлениями об издательских задачах и о границах допустимого в условиях различных политических контекстов, неизбежно порождала разнородность и тематическую рассредоточенность, несовместимые с принципами, которым следовало издание на протяжении многих лет. Политическая мотивация, изначально заданная как условие подготовки тома, вступала в противоречие с тем, что могло быть предложено: вместо идейно выверенной книги с опорой на новые архивные источники складывался конгломерат историографических обзоров и документальных подборок, объединенных лишь общей темой, но не общей исследовательской логикой. История чешского раздела наглядно

⁵¹ ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 126.

демонстрирует эту закономерность: на каждом этапе подготовки — от первых размытых предложений Матгаузера и Доланского до финального корпуса статей — материал тяготел к фрагментарности, которую не удавалось преодолеть ни редакционными усилиями, ни сменой руководителей проекта с чешской стороны. Именно эта содержательная специфика вместе с совокупностью частных организационных сбоев стала настоящей причиной отказа от издания «славянского тома».

Этот вывод становится особенно очевидным на фоне того, как ЛН работало с темой международных литературных связей ранее. Уже с конца 1930-х гг. издание последовательно обращалось к этому кругу проблем: трехтомник «Русская культура и Франция» (тт. 29/30, 31/32, 33/34; 1937–1939) заложил масштабную документальную базу для изучения русско-французских культурных отношений XVIII–XIX вв. Двухтомник «Толстой и зарубежный мир» (т. 75; 1965) охватил более шестидесяти стран, привлек мемуары, письма и архивные материалы, а сам стал образцом того, как тема международного восприятия русского писателя может быть решена на уровне первоисточников. Близкий по времени к «славянскому» том «Из истории МОРП» (т. 81; 1969) — труд группы сотрудников ИМЛИ под редакцией А. Дубовикова и Р. Ланского — показал возможности документальной реконструкции истории международного литературного движения межвоенного периода. Наконец, фундаментальное исследование М.П. Алексеева «Русско-английские литературные связи» (т. 91; 1982), первый вариант рукописи которого был готов еще в 1946 г., наглядно воплощало редакционную политику ЛН: монографическая глубина, архивная насыщенность, строгая исследовательская логика. В сравнении с этими изданиями полученные по итогам пятилетней подготовки «славянского тома» работы выглядели не просто скромно, но принципиально несовместимо с тем стандартом, который ЛН само для себя установило.

В начале 1976 г. редакция ЛН приняла решение прекратить подготовку тома, однако сообщила об этом Л. Штоллу лишь в письме от 22 июня 1976 г.:

Глубокоуважаемый Ладислав Эмильевич!

На протяжении ряда лет редакция «Литературного наследства» вела работу по собранию материала для тома, посвященного изучению взаимосвязей русской литературы с литературами других славянских стран. С этой целью редакция установила связи

с научными учреждениями и отдельными исследователями как Советского Союза, так и зарубежных славянских стран, в том числе и с руководимым Вами Институтом.

В результате длительных усилий нами было получено некоторое количество работ, в частности, из Чехословакии было прислано 7 статей и публикаций. Однако, в целом по всему тому среди присланных материалов преобладающее место занимали статьи и обзоры, построенные на печатных источниках и не содержащие документальной основы. Такие статьи могли бы составить содержание научного сборника, но они мало специфичны для «Литературного наследства» — издания, которое строит свои тома преимущественно на неопубликованных документах.

В виду сказанного, редакция вынуждена прийти к выводу, что собранные работы не дают возможности создать полноценный том, соответствующий традициям и задачам «Литературного наследства». <...>⁵²

История чешских глав «славянского тома» показывает, что нереализованные проекты ЛН заслуживают не менее пристального внимания, чем изданные тома. В отказе от замысла может отражаться как частная неудача, так и фундаментальное противоречие между логикой издания, выстраивавшего каждый том вокруг архивных открытий, и логикой политически мотивированного сотрудничества, которое по природе своей тяготеет к декларативности и скорей к поверхностной широте охвата материала в ущерб углубленному его рассмотрению.

Литература

1. Аксенова Е.П. Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики: 50 лет: сб. ст. М.: Индрик, 1996. С. 33–63.
2. Галушкин А.Ю, Фролов М.А. Слишком «Новое о Маяковском» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 288–294. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-288-372>
3. Куделин А.Б., Московская Д.С., Спивак М.Л. «“Литературное наследство” за все эти годы было таким большим делом...». К 90-летию академической серии «Литературное наследство» // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 2. С. 118–124. <https://doi.org/10.31857/S0869587322020050>

⁵² Письмо Н.А. Трифонова Л. Штоллу от 22 июня 1976 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 575. П. 106.

4. Курилов А.С. Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук: в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Кн. 2: Научно-исследовательская деятельность. 1946–1982. 376 с.

5. Лотман Ю.М. Ян Мукаржовский — теоретик искусства // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство. 1994. С. 8–34.

6. Сорокин С.А. Проблемы взаимоотношений власти и научной интеллигенции в Чехословакии в контексте событий Пражской весны // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. С. 63–71. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2025.5.75805>

7. Федоров М.Л. «Литературное наследство»: неизданные «польские» тома // Przegląd Rosycystyczny. 2016, № 2 (154). S. 121–134.

8. Mišková A., Barvíková H., Šmidák M. Československá akademie věd 1969–1972. Restaurace komunistické moci ve vědě. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 1998. 149 s.

9. Strohová E. Zpráva o diskusi // Česká literatura. 1964. Roč. 12, № 2. S. 145–154.

Research Article and Publication of Archival Documents

From the History of the Unpublished Slavic Volume of “*Literaturnoe nasledstvo*”: Czech Materials

© 2026. Nikita V. Moroz

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

Abstract: The article examines the history of one of the largest unrealized projects of “*Literaturnoe nasledstvo*” — the so-called Slavic volume (“Russian Literature and the Foreign Slavic World”), which was in preparation from 1970 to 1975. The focus is on the Czech materials of the volume: the editorial correspondence with Czechoslovak academic institutions and individual scholars, the history of assembling the contributors, and the evolution of the thematic concept of the Czech section. Drawing on archival documents from the “*Literaturnoe nasledstvo*” fonds at the manuscript department of IWL, the article reconstructs the preparation of the volume: from the first contacts with the Institute of Languages and Literature of the Czechoslovak Academy of Sciences in 1970 to the final decision to abandon the project in 1976. Particular attention is paid to the political context — the consequences of the events of 1968 for Soviet-Czechoslovak scholarly relations and the way the normalization policy affected the composition of the Czech contributors. The article also analyzes the institutional conditions that gave rise to the project: the role of IWL and its Department of Socialist Literatures, as well as the Institute of Slavic and Balkan Studies of the USSR Academy of Sciences, as the key centers for the study of Russian-Slavic literary relations in the 1960s – 1970s. The article argues that the project’s failure stemmed from a fundamental

contradiction between the editorial model of *Literaturnoe nasledstvo* “*Literaturnoe nasledstvo*” — oriented toward introducing new archival sources into scholarly circulation — and the ideologically prescribed framework for selecting material, which prevented the formation of a volume meeting the publication’s scholarly standards.

Keywords: “*Literaturnoe nasledstvo*”, unrealized publishing projects, Russian-Czech literary relations, Soviet literary scholarship, history of scholarship.

Information about the author: Nikita V. Moroz, Junior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-4211-6477>

E-mail: 14661536@inbox.ru

For citation: Moroz, N.V. “From the History of the Unpublished Slavic Volume of ‘*Literaturnoe nasledstvo*’: Czech Materials.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 400–433. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-400-433>

References

1. Aksenova, E.P. “Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN za 50 let (1947–1997). Kratkii istoricheskii ocherk” [“The Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences over 50 Years (1947–1997): A Brief Historical Essay”]. *Institut slavianovedeniia i balkanistiki: 50 let: sbornik statei* [Institute of Slavic and Balkan Studies: 50 Years: Collected Articles]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 33–63. (In Russ.)
2. Galushkin, A.Iu., Frolov, M.A. “Slishkom ‘Novoe o Maiakovskom’” [“It’s All Too Much ‘New Materials on Mayakovsky’”]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 288–294. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-288-372> (In Russ.)
3. Kudelin, A.B., Moskovskaia, D.S., and M.L. Spivak. “‘Literaturnoe nasledstvo’ za vse eti gody bylo takim bol’shim delom...”. K 90-letiiu akademicheskoi serii ‘Literaturnoe nasledstvo.’ [“‘Literaturnoe nasledstvo’ over All These Years Was Such a Big Thing...’: On the 90th Anniversary of the Academic Series ‘Literaturnoe nasledstvo.’”]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 92, no. 2, 2022, pp. 118–124. <https://doi.org/10.31857/S0869587322020050> (In Russ.)
4. Kurilov, A.S. *Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor’kogo: in 2 kn.* [A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences: in 2 books], book 2: Nauchno-issledovatel’skaia deiatel’nost’, 1946–1982 [Research Activities, 1946–1982]. Moscow, IWL RAS Publ., 2025. 376 p. (In Russ.)
5. Lotman, Iu.M. “Ian Mukarzhovskii — teoretik iskusstva (vstupitel’naia stat’ia)” [“Jan Mukařovský — Art Theorist (Introductory Article)”]. Mukarzhovskii, Ia. *Issledovaniia po estetike i teorii iskusstva* [Studies in Aesthetics and Theory of Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, pp. 8–34. (In Russ.)
6. Sorokin, S.A. “Problemy vzaimootnoshenii vlasti i nauchnoi intelligentsii v Chekhoslovakii v kontekste sobytii Prazhskoi vesny” [“Problems of Relations between the Authorities and the Scientific Intelligentsia in Czechoslovakia in the Context of the Prague Spring Events”]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia*, no. 5, 2025, pp. 63–71. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2025.5.75805> (In Russ.)

7. Fedorov, M.L. “‘Literaturnoe nasledstvo’: neizdannye ‘pol’skie’ toma” [“‘Literaturnoe nasledstvo’: Unpublished ‘Polish’ Volumes”]. *Przegląd Rusycystyczny*, no. 2 (154), 2016, pp. 121–134. (In Russ.)

8. Míšková, Alena, Barvíková, Hana, and Miroslav Šmidák. *Československá akademie věd 1969–1972. Restaurace komunistické moci ve vědě*. Praha, Ústav pro soudobé dějiny AV ČR Publ., 1998. 149 p. (In Czech)

9. Strohsová, Eva. “Zpráva o diskusi.” *Česká literatura*, roč. 12, no. 2, 1964, pp. 145–154. (In Czech)

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 11.03.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Date of publication: 25.06.2026